

**Romantic
Fantasy**

RICHELLE MEAD

The
GLITTERING
COURT

РАЙЧЕЛ МИД

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ
ДВОР

Москва
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
М57

Richelle Mead
THE GLITTERING COURT
Copyright © 2016 Richelle Mead

Разработка серии *Андрея Саукова*
Компьютерная графика *Радия Фахрутдинова*

Мид, Райчел.

М57 Блистательный Двор / Райчел Мид ; [пер. с англ. Т. Черезовой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 544 с. — (Romantic Fantasy).

ISBN 978-5-04-088881-8

Семнадцатилетняя сирота графиня Элизабет принадлежит к древнему, но обедневшему роду и, конечно, не хочет выходить замуж за нудного богатого кузнеца. И когда Элизабет выпадает шанс изменить жизнь, она хватается за него и меняется местами с горничной Адой. Ведь простушке Аде представилась возможность попасть в Блистательный Двор, где сбываются мечты неимущих красоток. Юных девиц вербуют, дабы отправить в загадочную заморскую Адорию, где они смогут стать женами эмигрантов-нуворишей.

Но главной героине все нипочем: теперь она зовется Аделаидой и не собирается оглядываться назад. Попутно наша самозванка успевает влюбиться в сына хозяина Блистательного Двора и обзавестись парой подруг. Ее избранник Седрик — обаятельный тайный бунтарь и, страшно сказать, еретик, которого могут казнить в любой момент!

После долгих месяцев муштры два корабля с невестами-жемчужинами и другими ценными товарами отплывают в Адорию. И вот тут-то начинаются приключения! Коварный сын губернатора, местные «дикари», пираты, золотая лихорадка и неожиданные сюрпризы прилагаются!

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Т. Черезова, перевод
на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-088881-8

*Джей,
похоже, я разгадала шифр*

Глава 1

Никогда не собиралась красть чью-то жизнь. И правда: на первый взгляд никто бы не подумал, что с моей жизнью что-то не так. Я могла похвастаться здоровьем и юностью. Мне нравилось считать себя умной. Я принадлежала к одному из старейших родов Осфрида: мы могли проследить свои корни вплоть до отцов — основателей нашей страны. Конечно, мой титул мог бы считаться еще более престижным, не испарись наше семейное состояние, но это было вполне поправимо. Мне просто следовало удачно выйти замуж.

Вот тут-то для меня все и началось.

В целом аристократы восхищались мной как потомком Руперта, первого графа Ротфордского, великого героя Осфрида. Много веков тому назад Руперт отнял эти земли у дикарей, создав тем самым великую нацию, к которой сегодня мы счастливы были принадлежать. Однако нашлось бы совсем немного аристократов, которые смогли бы искренне восхищаться моими скудными средствами, да еще в наши суматошные дни. Другие семьи тоже отчаянно пытались справиться со своими финансовыми проблемами, и чье-то хорошенькое личико вкупе с высоким титулом уже лишилось былой привлекательности, которую имело в прежние времена.

Мне требовалось чудо, причем срочно.

— Милочка, случилось чудо!

Я взирала на бархатные узоры обоев бального зала, а в голове у меня роились мрачные мысли. Заморгав, я вернулась в реальность — на очередной шумный прием — и посмотрела на бабушку, которая стояла передо мной. Хотя ее лицо испещряли морщины, а волосы были седыми, все неизменно отмечали, что леди Элис Уитмор — невероятно привлекательная женщина. Я была с ними согласна, хотя с грустью отмечала, что бабушка стремительно постарела после того, как умерли мои родители.

Зато сейчас глаза у нее лучились и сияли так, как я уже давно не видела.

— Что за чудо, бабушка?

— Дорогая, нам сделали предложение. Да-да! И он соответствует всем нашим критериям. Надежда снова посетит наш дом! Он молод. С неплохим состоянием. И его род не уступает в знатности нашему.

Последнее утверждение стало для меня неожиданностью. С родом благословенного Руперта сравняться было ой как непросто.

— Ты уверена?

— Да! Он твой... кузен.

Я редко лишаюсь дара речи, но бабушка поставила меня в тупик. Сперва я не могла вспомнить никого, кроме моего двоюродного брата Питера. Он вдвое старше меня и женат. По законам Осфрида именно ему предстояло унаследовать титул Ротфордов, если я, конечно, соизволю умереть бездетной. Приезжая в столицу, он обязательно навещал нас и всегда уточнял, как я себя чувствую.

— Который? — уточнила я, чуть успокаиваясь.

Слово «кузен» порой использовалось весьма свободно: пробежавшись по фамильному дереву, можно было обнаружить, что половина осфридской ари-

стократии оказывалась в родстве с другой половиной. Наверняка бабушка имела в виду кого-то еще.

— Лионель Белшир, барон Эшби.

Я покачала головой. Я не знала никакого Эшби.

Бабушка взяла меня под руку и повела в противоположную сторону зала, пробираясь в толпе самых влиятельных персон нашей столицы. Они были облачены в шелка и бархат, расшитые жемчугами и драгоценными камнями. Вереница хрустальных люстр над нашими головами ослепительно сияла: можно было предположить, что хозяева особняка решили соперничать со звездами. Такова жизнь аристократов Осфрида.

— Мы с его бабкой входили в круг приближенных герцогини Сэмфордской. Он обычный барон. — Бабушка склонила ко мне голову и понизила голос.

Я обратила внимание на ее жемчужный убор: неплохой, но вышедший из моды пару лет тому назад. Бабушка тратила все наши деньги на то, чтобы наряжать меня должным образом.

— Но его род весьма достойный. Семья Лионеля восходит к одному из младших сыновей Руперта, хотя с этим связан скандал: вроде бы Руперт на самом деле не был его отцом. Но его матушка — из старого аристократического рода, поэтому в любом случае нам можно не волноваться.

Пока я переваривала услышанное, мы успели подойти к высокому стрельчатому окну с видом на Арлингтон-грин. Возле него стоял молодой человек и незнакомая мне женщина, примерно ровесница моей бабушки. Парочка о чем-то негромко беседовала, но при виде нас и юноша, и его спутница оборвали разговор и с любопытством уставились на меня.

Бабушка улыбнулась.

— Моя внучка, графиня Ротфордская. Милая, позволь представить тебе барона Белшира и его бабушку, леди Доротею.

Лионель поклонился и поцеловал мою руку, а его бабушка присела в реверансе. Ее почтительность показала мне напускной: леди Доротея буквально прошила меня колючим взглядом. Если бы приличия позволяли, она бы, наверное, и зубы мои осмотрела безо всякого стеснения.

Когда Лионель выпрямился, я внимательно посмотрела на него. Оценивать-то мне следовало именно потенциального жениха, а не леди Доротею.

— Графиня, счастлив с вами познакомиться! — буквально запел он. — Жаль, что этого не произошло раньше, учитывая наше родство. Потомки лорда Руперта, сами понимаете...

Краем глаза я заметила, как моя бабушка скептически выгнула бровь.

Я адресовала Лионелю скромную улыбку: не настолько почтительную, чтобы она принизила меня, но такую, чтобы он решил, будто его любезность выбила меня из колеи. Но если говорить начистоту, то его галантность, конечно, была под вопросом. Увы, можно было предположить, что она являлась его единственным козырем! Лицо у Лионеля оказалось вытянутым и заостренным, кожа имела нездоровую бледность. Странно, но у него даже не зарумянились щеки, хотя в бальном зале, переполненном людьми, было чересчур жарко! Узкие плечи Лионеля сутулились, создавая впечатление, будто он готов сложиться пополам. Однако все это не имело значения. Важны были исключительно матримониальные соображения. Я никогда не рассчитывала выйти замуж по любви.

— Вы правы, нам, конечно, следовало бы познакомиться пораньше, — милостиво согласилась я. — Полагаю, стоило бы учредить регулярные встречи

в честь нашего славного предка Руперта. Мы бы собирались вместе и устраивали пикник на лужайке. И мы бы бегали наперегонки, как принято у сельских жителей. Думаю, я бы не запуталась в юбках!

Барон устремил на меня немигающий взгляд и почесал запястье.

— Потомки графа Руперта рассеяны по всему Осфриду: вряд ли подобное сборище удалось бы организовать. И участвовать в беге наперегонки не подобает аристократам. Я и своим арендаторам не позволяю столь пустые развлечения. Великий бог Урос не для того даровал нам ноги. А думать иначе — просто отвратительно. — Он помолчал и добавил: — Жмурки я тоже не одобряю.

— Полностью разделяю ваше мнение, — проворковала я, не позволяя улыбке исчезнуть с моих губ.

Моя бабушка откашлялась.

— Барон выращивает ячмень, — заявила она с натужной жизнерадостностью. — Он очень преуспел в этом деле и уже добился огромного успеха.

Лионель поскреб свое левое ухо.

— Мои арендаторы почти восемьдесят процентов моих угодий отвели под ячменные поля. Недавно мы приобрели новое поместье, и теперь все мои земли дают прекрасный урожай. Ячмень, куда только ни бросишь взгляд... Многие и многие акры вокруг!.. Я приказал, чтобы мои слуги в обоих поместьях ели ячменную кашу по утрам. Для поднятия духа, если так можно выразиться.

— Как же у вас много ячменя, — пролепетала я и мысленно пожалела арендаторов барона. — Я надеюсь, что вы иногда слегка балуете своих слуг. Как насчет овса или ржаной каши... если на экзотику тянет?

На лицо барона вновь вернулось изумленное выражение, и он принялся терзать свое правое ухо.

— Зачем? Ячмень — источник нашего благосостояния. Моим людям полезно об этом помнить. Я и сам придерживаюсь данного правила и даже более строго: я слежу, чтобы во всех моих трапезах присутствовала изрядная порция ячменя. Я подаю своим слугам хороший пример.

— Вы по-настоящему к ним благосклонны! — воскликнула я и устремила взгляд на окно у него за спиной, прикидывая, нельзя ли из него выпрыгнуть.

Наступила неловкая пауза.

— Кстати, о поместьях, — нарушила молчание леди Доротей. — Если я не ошибаюсь, совсем недавно вы продали свое последнее загородное имение.

Вот оно: напоминание о нашем финансовом положении. Бабушка поспешила встать на защиту нашей семейной чести.

— Мы им не пользовались. — Она вскинула подбородок. — Я не настолько глупа, чтобы тратить деньги на пустой дом и арендаторов, которые без надзора обленились. Наш городской особняк здесь, в столице, гораздо уютнее, и в нем мы близки ко всем светским развлечениям. Между прочим, нынешней зимой нас три раза приглашали ко двору.

— Три раза! — пренебрежительно повторила леди Доротей. — Но ведь летом в столице, безусловно, скучно. Особенно когда аристократы разъезжаются в свои загородные владения. Когда ты выйдешь замуж за Лионеля, то будешь жить в его нортширском поместье — где живу я. Обещаю, что ты не станешь ни в чем нуждаться. И сможешь планировать сколько угодно светских мероприятий. Под моим пристальным наблюдением, естественно. Тебе предоставляется исключительный шанс! Я не хочу никого обидеть, графиня! Леди Элис, вы столь умны и проницательны, что никто, вероятно, и не догадывается о вашем реальном положении. Но уверена, что в данных об-

стоятельствах возможность устроить судьбу вашей внучки принесет вам обоим облегчение.

— У меня сразу же улучшатся жизненные обстоятельства, а барон получит другой титул — более высокий, — тихо отметила я.

Во время нашего разговора Лионель скреб сначала лоб, потом — внутреннюю сторону предплечья. Второй заход затянулся довольно надолго, и я с трудом удержалась, чтобы не глядеть на такое неучтивое действие. Что с ним? Почему у Лионеля сильный зуд? И почему он распространяется по всему телу? Никакой сыпи я вроде бы не заметила. Хуже того — чем пристальней я смотрела на Лионеля, тем сильнее мне самой хотелось почесаться. В итоге я стиснула кулаки и постаралась отвлечься.

Мучительный разговор длился еще несколько минут: леди Доротея и моя бабушка уже строили планы относительно свадьбы, которая, очевидно, была не за горами. Лионель продолжал чесаться. Когда мы, наконец, покинули новоявленного жениха и леди Доротею, я выждала секунд тридцать и выразила бабушке свое мнение.

— Нет, — заявила я.

— Ш-ш!

Она улыбалась разным гостям, направляясь вместе со мной к дверям. Когда мы очутились в вестибюле, бабушка обратилась к какому-то лакею, чтобы он проводил нас до нашей кареты.

Я помалкивала, пока мы благополучно не остались в экипаже одни.

— Нет, — повторила я, откидываясь на спинку плюшевого сиденья. — Нет, ни за что!

— Не драматизируй.

— А я и не драматизирую. Я сохраняю здравый рассудок. Не могу поверить, что ты приняла предложение барона, не посоветовавшись со мной.

— Мне было трудно сделать выбор между ним и множеством других кандидатов, — сказала она и спокойно встретила мой возмущенный взгляд. — Да, милочка, ты здесь не единственная можешь дерзить. Но зато ты — единственная, кто сумеет спасти нас от катастрофы.

— И кто теперь драматизирует? Ладно, леди Брэнсон тоже сделает тебе выгодное предложение, и ты сможешь жить в особняке ее дочери столько времени, сколько тебе вздумается. Уверена, тебе там понравится, — ядовито произнесла я.

— А что будет с тобой, дорогая?

— Не знаю. Найду кого-нибудь еще, — буркнула я и начала перебирать в уме кавалеров, с которыми я успела сегодня познакомиться. — Как насчет торговца, который был на приеме? Дональда Кросби? Я слышала, он сколотил немалое состояние.

— Фу! — Бабушка потеряла виски. — Пожалуйста, прекрати болтать о нуворишах. Ты же знаешь, что у меня от этого начинается мигрень.

Я фыркнула.

— А чем он плох? Кросби процветает. И он смеется моим шуткам, чего не скажешь о Лионеле.

— Ты прекрасно понимаешь, почему я не одобряю мистера Кросби. Ему не место на званом вечере аристократов! И о чем только думал лорд Гилмен! — Бабушка поджала губы и передернула плечами: особо крупная выбоина на дороге заставила нашу карету накрениться. — И не забывай о твоём великом предке Руперте! Как бы он отнесся к твоему намерению смешать его кровь с простонародьем?

Я застонала. С некоторых пор ни один наш разговор не обходился без упоминания о Руперте.

— По-моему, тот, кто последовал за своим сюзереном через пролив, чтобы создать империю, придавал огромное значение своей чести, — париро-

вала я. — Я-то помню про Руперта, и не собираюсь продаваться занудному кузену и его тиранической бабке. Ты обратила внимание на то, как она буравила меня своим взглядом? Кстати, сколько раз она повторила это свое «под моим пристальным наблюдением»?.. Нет уж, с меня хватит! Вдобавок у барона чесотка или нервный зуд!

Бабушка устало вздохнула.

— Ты считаешь себя единственной девушкой, которую выдадут замуж по расчету? Ты — далеко не первая барышня, выказывающая свое недовольство. Романы и баллады повествуют о девицах, попавших в столь же печальную ситуацию: они в конце концов вырываются на свободу к блестящему будущему и обретают счастье... Но это — наивные фантазии, дорогая. В реальности большинство девушек в твоей ситуации смиряются и терпят. У тебя нет выбора, поверь мне. Нам всегда приходится платить по счетам. Таков этот мир. В общем, положение обязывает.

— Мои родители не заставили бы меня терпеть и смиряться, — проворчала я.

Бабушка жестко посмотрела на меня.

— Твои родители и их авантюры стали причиной нашего финансового краха. У нас кончились деньги. Продажа поместья Бентли позволила нам продолжить прежнюю жизнь. Однако скоро все изменится, а результат тебе точно не понравится. — Я насупилась, и она добавила: — Люди будут принимать за тебя решения всю твою жизнь. Привыкай.

Наш дом находился в другом (не менее престижном) районе города. Когда экипаж подъехал к особняку, слуги уже ожидали нас у дверей. Они поспешно спустились с крыльца, помогли нам выйти из кареты и приняли наши накидки и шали. У меня была своя стайка горничных: девушки последовали за мной в апартаменты, чтобы снять с меня парадный

наряд. Я смотрела, как они бережно разглаживают мое красное бархатное платье с широкими конусообразными рукавами и золотой вышивкой. Его повесили в шкаф к другим бесчисленным роскошным нарядам. Оставшись в одиночестве, я обнаружила, что уставилась на бюро. Огромная часть нашего стремительно тающего состояния тратилась на одежду, которая якобы должна была помочь мне получить шанс изменить жизнь к лучшему.

И сейчас моя жизнь действительно могла сделать крутой вираж. Но в лучшую ли сторону? Увы, в последнем я сильно сомневалась.

Поэтому я сделала вид, что все это происходит не со мной. Именно так я отнеслась и к смерти своих родителей. Я отказалась поверить в их уход, даже столкнувшись с самым что ни на есть осязаемым доказательством — а именно с их могилами. Не может такого быть, чтобы те, кого ты любишь, те, кто заполняет столь значительную часть твоего сердца, однажды исчезли в мгновение ока! Иногда я с переменным успехом пыталась убедить себя в том, что однажды мать и отец просто появятся в моей комнате... а когда мне не удавалось в это поверить, я просто о них не думала.

А теперь пришел черед Лионеля. Я выбросила жениха из головы и продолжала жить так, как будто на званом вечере вообще ничего не случилось.

Но когда от леди Дороти пришло письмо, я была вынуждена признать существование Лионеля.

Леди Доротея желала назначить дату свадьбы: что ж, вполне ожидаемое намерение. Неожиданностью стало ее распоряжение уменьшить наш штат прислуги вдвое и продать немалую часть наших вещей. «В Нортшире они тебе не понадобятся, — писала леди Доротея. — Прислуга и нужные предметы будут предоставлены тебе, конечно же, под моим пристальным наблюдением».

— Ох, Урос великолепный! — вырвалось у меня, когда я дочитала письмо.

— Не поминай его имя все! — одернула меня бабушка. Несмотря на ее замечание, я ощутила, что она напряжена.

Да... ей тоже будет нелегко жить под чужой властью.

— Смотри-ка! Лионель прислал тебе подарок!

«Подарком» оказалась банка фирменных ячменных хлопьев, которые Лионель поглощал каждое утро. В приложенной записке говорилось, что я могу заранее отведать «сей дивный злак и понять, что ожидает меня в будущем». Мне хотелось думать, что барон просто мило шутит, однако я сильно сомневалась в его чувстве юмора.

Бабушка начала рассуждать вслух, как ей следует отобрать прислугу, а я выскочила из комнаты и бросилась наутек. Выбежала из нашего особняка в сад и выскользнула через парадные ворота на улицу, заслужив недоуменный взгляд привратника, который там дежурил.

— Миледи? Я чем-то могу быть вам полезен?

Я махнула рукой, прервав его попытку встать.

— Нет! — бросила я.

Он озирался, не зная, что делать. Привратник никогда не видел, чтобы я выходила на улицу без сопровождения. Это было просто вопиюще: поступать таким образом благородным девушкам не полагалось. Что ж, выходит, я нарушила негласные правила.

Пока привратник остолбенело таращился на меня, я ринулась куда глаза глядят и вскоре смешалась с толпой пешеходов. Конечно, на улице не было представителей благородного сословия. Я натыкалась на слуг, торговцев, курьеров... словом, тех людей, труд которых помогал городским богачам жить припеваючи.